

ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА

Философия

Михаил Маяцкий

Рецепция Платона в Германии начала XX век

10 октября 2009 года, Юрмала, домашний семинар с Михаилом Маяцким¹

Почему я сейчас занимаюсь рецепцией Платона в Германии начала XX века? И как я пришел к этому?

Алексей² — не одиночка в этом мире. Есть и другие сумасшедшие, которые пишут диссертации о Платоне. Он — на русском языке; это уже как бы выбор граждан. Я должен был написать на французском и, тем не менее, выбрал Платона. Как это произошло? Сначала я заинтересовался темой зрения³ у Платона и Аристотеля. Эта тема не только философская, но и обыденная. По-английски мы говорим: «I see», я понимаю, а буквально: «я вижу». Мы говорим: «точка зрения», мы говорим «созерцание». Этим словом «созерцание» на философском языке обозначается вообще любое ощущение. Словом, какие-то странные неясности. Я сначала об этом написал семинарскую работу, потом честно спросил у профессора, видит (вот, опять!) ли он продолжение, в виде, например, диссертации. Он увидел. Я искал в литературе и с удивлением обнаружил, что об этом нет книг. Я имею в виду, нет на доступных языках, потому что литература по Платону абсолютно необозрима. Этот разговор с ним был в 1994 году. Потом по-французски вышло две книги — одна моя⁴, другая — другого человека⁵. Ясно, есть еще языки, которые я слабо контролирую: турецкий, японский... (шутка). В европейских языках к тому времени ничего такого синтетического не было. Я об этом начал писать и написал. В ходе работы я обнаружил странную историческую ступень — 1924 год, — когда эта тема —

тема зрения у Платона — появляется в литературе. О ней говорили не всегда, о ней стали говорить в какой-то момент времени и к тому же совсем недавно: а именно в 1924 году, причем одновременно два человека, явно независимых друг от друга, некто Мартин Хайдеггер и американец Джон Дьюи. Я стал думать и предположил, что, особенно Хайдеггер (в лекциях, а потом в материалах к Бытию и времени; 1924 — это самая ранняя граница), наверное, не сам это придумал, а на кого-то опирается; я стал искать предтечу. И, с другой стороны, я наткнулся в литературе там и сям на страшную полемику⁶: в истории античной философии, где все-таки тона остаются, как правило, сдержанными, в адрес некоего загадочного круга Георге (George-Kreis) сыпались страшные громы и молнии. Здесь, в академическом контексте, в книгах по платоноведению, о последователях Георге и членах его круга говорили с редким презрением, сарказмом. Его упоминали очень редко, но зато уж ругали нелюбезно и агрессивно, как не свойственно в этом цехе. Это показалось мне подозрительным. Мне сначала и в голову не приходило свести эти две линии, и вообще нужно было заниматься диссертацией, и я оставил это на потом. Я дождался, пока диссертацию сдал, страницу своей жизни перелистнул и занялся этим самым кругом. И линии сошлись. Я стал читать об этом чрезвычайно влиятельном сообществе вокруг поэта-символиста, или постсимволиста Георге. Коротко резюмирую суть дела: поэт Штефан Георге констатирует свой личный творческий

¹ Несколько слов, как говорится, без протокола. Семинар-застолье (т. е. симпозиум) в Юрмале был запланирован, но никто, включая меня, не знал, о чем пойдет речь. Известно было лишь, что о Болонской реформе говорить будем вряд ли, — чтобы оставить запал на собственно семинар, этой теме посвященный. В конце концов после обычного трепан организатор, Сергей Мазур, настоял, чтобы я рассказал о том, над чем сейчас работаю. Он же записал беседу на магнитофон, расшифровал запись (переделав беседу в монолог, от чего она что-то проиграла, но что-то, может быть, выиграла). Признаюсь, что затем сильно прошелся по скрипту, так как по подлинной расшифровке можно было бы только изучать замысловатый синтаксис русской разговорной речи. Понять из нее что-то было бы довольно трудно. Речь осталась, впрочем, довольно разговорной. Спасибо Сергею за труды, а читателям — за интерес (if any).

² Алексей Романов — хозяин квартиры, где проходила встреча. Работает над диссертацией о Платоне.

³ Визуальностью тогда вообще интересовались в кружке Валерия Подороги, который я посещал в Москве до своего отъезда в конце 1989 г. Интересно, что тогда в Москве я работал над диссертацией о Деррида как критике феноменологии (я довел ее только до т. наз. предзащиты), и диссертацию во Фрибурге, в Швейцарии, сначала собирался писать об очевидности у Гуссерля, т. е. по теме тоже визуальной.

⁴ Platon penseur du visuel. Paris: L'Harmattan, 2005. Диссертацию, легшую в основу книги, я защитил в 2002 г.

⁵ Merker, Anne, La vision chez Platon et Aristote. Sankt Augustin, Academia Verlag, 2003. В целом же в первые годы века появилось несколько работ, индивидуальных и коллективных, в основном на английском языке, о зрении, визуальной репрезентации в античности: в искусстве, в поэзии.

⁶ Особенно, помню, агрессия поразила меня у Эужена Тигерстедта, прекрасного финского исследователя, писавшего, естественно, по-английски.

кризис и делает вывод о кризисе вообще в немецкой поэтике, кризисе немецкого поэтического языка. Это начало 90-х годов XIX века. Когда он знакомится с итальянскими, французскими символистами, он сам уже достаточно незаурядная личность. Он решает выйти из символизма, из своей поэтической питательной среды, в какое-то новое измерение: начинает собирать альманах (Листки для искусства), чтобы преодолеть свой личный кризис. Сам решает, что ничего уже лучше не напишет⁷, а если вместе что-то собирать, то может к нему и к самому придет вдохновение. Выходит несколько номеров, потом наряду с поэтическим начинает издаваться теоретический альманах — Ежегодник духовного движения. Собирается постепенно интеллектуальный круг, который считался долгое время поэтическим, но на самом деле это были в основном университетские студенты и преподаватели, которые были равнодушны к поэзии. Стихи тогда в Европе (как и в России) писали многие, почти все, а те, кто не писал, знали много поэзии наизусть, следили за новинками и так далее.

Круг Георге был антимодернистским. Через него прошло несколько поколений, по меньшей мере три. В первом поколении были преимущественно эпигоны Мастера (т. е. самого Георге), ну кроме разве что Карла Вольфскеля. Из ранних участников известен больше других Людвиг Клагес. Одной из черт круга было поклонение гениям, свойственное постсимволизму и вместе с тем постромантизму. Была дистанция по отношению к католицизму, хотя Георге родился в Рейнской области, в местах глубоко католических, мистических. С другой стороны, из католицизма выходили не в атеизм, разумеется, а в язычество. Одним словом, Бог, разумеется, умер, теперь надо поклоняться людям, действительно великим людям. Кто эти великие? Шекспир, Данте, Гете, Гёльдерлин, Платон, Ницше (под сомнением). Только нельзя изучать этих великанов, как это делается в университете, разбирая и промывая косточки, а нужно им служить как главному инструменту воспитания будущих поколений. Можно сказать, кругу была в высшей степени свойственна определенная педагогическая романтика. Но постепенно из этого пантеона — даже не по количеству читающей публики: Гёте они знали конечно же лучше Платона, — а по посвященным им работам, Платон с большим отрывом вышел вперед, и по книгам, и по статьям. То есть постфактум, когда посчитали, сколько они написали книг о Данте, о Шекспире, о Платоне, выяснилось, что Платон — самый главный их кумир. Они не только писали о нем, но и обсуждали недавно вышедшие переводы, сами переводили и так далее. Это все делалось, начиная с 1910 года, когда первая серьезная статья из круга, а именно Курта Хильдебрандта, была адресована против Ульриха Виламовица-Мёллендорфа, главного столпа тогдашней древней истории. Это он в свое время, будучи безвестным аспирантом, написал ругательную статью против Ницше, против «Рождения трагедии из духа музыки». Георге как будто бы отомстили за Ницше, напав на Виламовица, когда тот стал столпом номер один. Он произвел в свое время

революцию в университете, объединив классическую археологию, филологию и историю древнего мира, которые раньше были изолированными дисциплинами. Он основал единую *Altertumswissenschaft*, науку о древности. Он утверждал, что археология должна знать и литературные источники, чтобы увязать свои черепки какое-то единство. Классические филологи должны интересоваться палеографией и так далее. Это был важный переворот. Так вот, в академическом мире Виламовиц был вне критики, никто не мог его критиковать, человек сразу элементарно терял рабочее место, а тут какой-то молодой и неуниверситетский осмелился, потому что ему нечего было терять. Был большой шум, и некоторые были довольны этому критическому голосу.

Но вернемся в круг Георге. Он действовал не на одном месте, а между Мюнхеном, Гейдебергом и Берлином, но и шире от Вены до Киля. Они циркулировали, были на кафедрах и там, и сям. Георге был врагом университета, сам отучился только два семестра, но был при этом человеком высочайшей культуры. С детства был полиглотом; когда ему стало мало, он изобрел сам свой язык, на базе греческого, но с латинским вокабуляром. А так он 8-10 языков знал свободно, переводил в обе стороны и был наделен какой-то невероятной культурной интуицией. Благословлял своих «послушников» на кафедры, взвешивая прагматически плюсы и минусы экономически независимого существования: работать в банке или открыть магазин лучше для независимости, но некоторым следует заниматься только духовной деятельностью, любая иная их убьет. И он склонял многих своих, хотя и не всех, к работе в университетах. И были члены его кружка по всей Германии, по всем университетским городам. Они организовывали свои уже как бы вторичные кружки вокруг других близких к Георге друзей, которые, включив уже и Георге в вышеупомянутый пантеон, поклонялись им всем вместе. И вот с 1910 по 1933 год (год смерти Мастера), георгеане выпустили от трех до семи (смотря как считать) книжек о Платоне, и ряд статей, и много переводов. В ранний период, с первым поколением, когда были еще молодые, праздновали праздники: одевались по античному, хитоны, тоги, венки, Георге наряжался в Данте, он был явно похож на Данте. Есть фотографии довольно смешные, символистские штучки: танцы, позы. Ясно, что они интеллектуальной практике поклонялись. Это была своеобразная борьба против университетского аналитического подхода. У них была идея написать о каждой из этих великих фигур, они их называли гештальтами (*Gestalt* — это и форма, и одновременно модель, образец), написать о каждом из них по одной окончательной книге, написать абсолютно конгениальную книгу. Трехстопный ямб у Шекспира пусть разбирают университетские гробкопатели; мы напишем окончательную книгу о Шекспире, которая будет конгениальной его гештальту, а вы там на кафедрах забавляйтесь. И они выполнили эту программу, опять же во всех случаях, кроме Платона. О

⁷ Чем поэтический сборник Алгабал (1892).

Платоне они написали по самой меньшей мере три книги. Сначала в один из вторичных кружков пришел такой человек, аспирант Пауля Наторпа (который, я вам напомню, в 1902 году написал фундаментальный труд о теории идеи у Платона, где дал неокантианский взгляд на платоновскую идею), некто Генрих Фридеман. Он сначала был его аспирантом, а потом увлекся георгеанством, и его перетаскивали в этот круг, и его книгу о Платоне издали под эгидой круга. Он погиб на войне в 14-м году, но свою книгу в окопах успел получить. После него еще один член круга написал⁸, не только о Платоне — «Платон и греческая утопия», потом еще один человек⁹ из дальней периферии круга, без всякого спроса, без всякого разрешения Георге, но книгу его критика тем не менее сразу опознала как «георгеанскую». Круг Георге был, понятно, уже известен тогда, и вот рецензенты так и реагировали: ну, вот появилась еще одна новинка из круга Георге. Когда какой-нибудь кандидат на профессорское место получал «вызов» на кафедру на пробную лекцию, он приезжал, выступал, читал пробную лекцию, потом несколько специалистов писали отзыв, далеко не только рекомендацию, он мог быть весьма критическим. И в этом письме могли написать «Такой-то является специалистом в такой-то области, а, с другой стороны, активным членом круга Георге». Это звучало для кого-то как хвала, для других — как хула.

И дальше были разные интересные фигуры. Наконец, в 1933 году выходит еще одна книга, гранки которой Георге смог еще прочитать, того же Хильдебрандта, который с тех пор вошел в самую фашиствующую плеяду, и в книге немало вполне таких расистских пассажей. Потом, после войны, он изо всех сил будет объяснять, что он закончил книгу до прихода к власти фашистов. И действительно, книга датирована 1933 годом, но в конце написано: «Рукопись закончена в октябре 1932 года». Но неясно, что это доказывает, кроме того, что автор, такой умничка, уже чувствовал, куда ветер дует, и вообще искренне сочувствовал грядущему режиму. Малопрятный персонаж, который, между тем, переиздал свою книгу в 1959 году, слегка подправив расизм, слегка денацифицировав словарь и поменяв название произведения¹⁰. Потом он еще написал такую «сумму» о Георге, весьма низко оцениваемую.

Естественно, университетское платоноведение оказалось в сложном положении по отношению к этим людям. Они писали невообразимым для академической науки стилем, возвышенным, напыщенным, но с другой стороны писали здравые вещи. Например, что Платон был, прежде всего, не ученым, не эпистемологом, а воспитателем и политическим мыслителем. То, что сейчас считается банальностью, но тогда на неокантианской волне была мода рассматривать Платона как чистого логика и методолога.

А георгеане противопоставили Платону-логику Платона-созерцателя. У них постоянно речь об Auge, Blick, Schauen, Schau, взгляде, смотре, созерцании (помните, что я искал предтеч Хайдеггера в осмыслении зрения, в понимании греков как «глазных людей», Augensmenschen? так вот ими и оказались полузабытые платоники-георгеане).

Вокруг Платона между университетом и кругом Георге создавалась не вражда, а, я бы сказал, конкуренция. Потому что надо было сказать одно и то же, но по возможности не цитируя друг друга. Фактически влияние друг на друга достаточно велико, при этом абсолютно скрыто. Георгеан до сих пор нельзя цитировать. После конца войны, после краха фашизма вообще вся немецкая наука о древностях пошла ко дну на мировом уровне. В 20–30-е годы для антиковеда, скажем, испанского, русского, знать немецкий было так же обязательно, как греческий. Это было в равной степени обязательно.

Что же такого было неприемлемого в георгеанах для университетских платоноведов? Ну, Фридеманн был еще античник, философ, но он написал не исследование, а стихотворение в прозе на 150 страниц на тему Платона. Играли свою роль и внешние факторы. Георге сделал реформу немецкого языка: убрал запятые, существительные стал писать с маленькой буквы, собственные имена, даже если они прилагательные — с большой буквы и т. п. И вот вся эта книга написана в георгеанских нормах. Там примерно 150 страниц и, наверное, 30 сносок, это неприемлемо мало. И стиль, и субъективизм такой оголтелый — все это никуда не годится. Автор следующей после фридеманновой книги — политэконом Зингер, потом психиатр Хильдебрант. Их не могли принять уже в силу их непрофессионализма, хотя это все были, особенно по сегодняшним меркам, несусветно образованные люди, которые закончили лучшие гимназии, знали греческий, как современным классическим филологам и не снится. Но это были не цеховые люди, не из цеха. Потом были и вовсе случайные факторы. Самый фашизоидный из платоников, который жил дольше других, Хильдебрант, и стал главным платоником круга Георге. Вот так, увы, сложилась история. Залин стал ректором Базельского университета, в нейтральной Швейцарии. И он, и Зингер были евреями. А тот был откровенным антисемитом.

Словом, никак, и по целой совокупности причин, это прочтение Платона в работах георгеан не могло быть принято в университете. Но влияние осталось. И я хочу в своем исследовании проследить это влияние. И на Хайдеггера было очень большое влияние. Это не прослежено, и для многих хайдеггерианцев это, возможно, крамола. Это предстоит еще доказать. Пока же георгеане изгнаны даже

⁸ Эдгар Залин.

⁹ Курт Зингер.

¹⁰ Уже не двусмысленно Платон. Борьба духа за власть, плоско и невинно: Платон. Миф и логос.

из библиографий, которые представляют себя как полные. По отношению к университету это некоторая контркультура. Георге основал свою книжную серию. У него был просто друг — издатель, который издавал эти книги. Так вот: он издавал, естественно, что хотел, без всякого ученого совета! Сам Георге советуется со своими близкими друзьями, если хочет. Всё это делает сам георгеанский способ работы в культуре неприемлемым. Повторяю, мой главный диагноз — неприемлемо для университетских ученых не потому, что их что-то конкретное не устраивало, а потому что они конкурировали.

Конкурировали, скажем, с античником Вернером Йегером, учеником, кстати, Виламовица. Его не вычеркнули из библиографий случайно: он хотя и был вполне вдохновенным нацистом, однако жена у него оказалась еврейкой. Но статус его был столь высок, что его не выгнали, а вежливо предложили на выбор: или разводитесь, или мы вас не задерживаем. Он и эмигрировал с женой в Штаты (хотя, понятное дело, американскую либеральную демократию считал враждебной культуре), где перевел себя на английский и благодаря этому как бы проскользнул в следующий эон. А то так бы и остался заурядным, средней руки нацистом, у которого полно текстов недвусмысленных, это подтверждающих.

Георгеане-платоники и политически неприемлемы. Хотя среди них большинство евреи, но главное лицо — Хильдебрандт — верный нацист. Интересен случай Курта Зингера, того — помните? — который без спросу написал книгу о Платоне, кстати, неплохую, как своего рода письмо Георге: письмо с просьбой о принятии в лоно круга, но письмо в форме книги. Он был из тех евреев Германии, которые обнаружили, что они евреи, когда им Гитлер об этом напомнил. А до этого они не знали, не думали об этом, это было совершенно не актуально. Что будут когда-то и очень скоро выгонять с кафедр, никому и в голову не приходило. Среди них была распространена формула, что «мы — немцы на 120%». Они были оголтелыми националистами в Первую мировую войну. В самом начале 1930-х годов Зингер получил место в Японии, в Токио в университете типа стажировки на два-три года. В 1933 году он не мог поверить газетам. Какой-то бред, не может всего этого быть! Поскольку Япония была частью Оси, то потребовали из японских университетов, как из немецких, выгонять евреев. А там вообще «еврей» как идентичность было чем-то сугубо неактуальным. А ну давайте выгоняйте людей с щербинкой между четвертым и пятым зубом! Только тогда пришлось эмигрировать аж в Австралию. Но в свое время он написал позитивную статью об итальянском фашизме. Потрясая этой статьей, он хотел вернуться и потребовать, чтобы его приняли обратно на место. А потом он подумал, что, может быть, раз он еврей, поехать в Палестину, всё ближе к Европе, чем Австралия. Словом, была полная потерянности.

Что сегодня? Конечно же, георгеанское платоноведение устарело. Но и двухтомник Виламовица о Платоне

1919 года тоже устарел! То есть то, что они устарели, не говорит против них. Через 80 лет какая книга не устареет? Например, ясно, что и георгеане, и Виламовиц подтягивают античность к современной истории. Они критикуют Веймарскую республику под видом критики афинской демократии. Тогда это считалось высшим пискком, ученым изыском. Особенно античники и германисты — это были самые влиятельные профессора в политической сфере в Германии, к ним прислушивались. То есть провести такую аналогию: из-за разброда между полисами афиняне проиграли Пелопоннесскую войну. Читай: из-за разброда и мы, немцы, проиграем следующую войну, веймарский парламентаризм только ослабляет нашу нацию и т. д. На сегодняшний же вкус все эти прозрачные аналогии совсем не украшают текст, они ослабляют аргументацию. Потому что: о чем мы говорим? О Пелопоннесской войне? Нужно сначала выбрать тему. Демонстративность этих параллелей сегодня абсолютно устарела. И потом у Виламовица были свои суждения, тоже воспитательные: он хотел довести античность до образованного обывателя. Поэтому переводил язык античных трагедий на язык кухонной ссоры.

Я ни к какой реабилитации платоноведения из круга Георге не призываю, я хочу показать, что отношение между университетом и внеуниверситетским миром сложнее, чем мы думаем. На университете лежит часть вины: а именно за то, он считал себя единственным хранителем и производителем знаний. Но университет никогда не был единственным местом производства знаний. И велика роль случайности. Вальтер Беньямин чуть было не стал членом круга Георге, по крайней мере, одно время очень хотел. И он был горячим поклонником поэзии Георге. А Беньямин стал моден и вхож в постмодернистский дискурс благодаря авторитету Адорно, на которого полагается американский университет. Здесь же другие соображения. Университету претило, что у Георге была настоящая харизма, что круг его был гомозотично организован, то есть были мальчики, были пары — общим эфиром было воспитание, нужно было себя и друг друга воспитывать. В этом смысле это было некое полурелигиозное объединение. Георге объединял их в пары, либо по возрасту, один ведущий, другой ведомый, либо по очереди: в одном деле ты ведешь, в другом — я. Такой тотальный педагогический процесс. Некоторые пары были гомозотичными, это мы знаем, но есть разные точки зрения на это даже в круге. То есть была цензура — в то время вообще можно было за это загреметь в тюрьму (как и в СССР и России до совсем недавних пор). В начале XX века в Германии до нацизма общество было культурно терпимо в отношении гомозототики. А уголовный кодекс был непримирим, людей сажали в тюрьму за гомосексуальность.

Университету в любом случае претил этот дух секты, союза. Хотя круг Георге был далеко не единственным, была масса организаций, союзов и прочих ассоциаций в Германии — полно, как и в других странах. Круг Георге отличался прочностью, потому что он просуществовал с начала 1890-х годов в разной форме до начала 30-х, то есть 40 лет в

разных формах. Дисциплина была такая: ядро вокруг Мастера, затем круги концентрические вокруг тех, кто работал в разных местах и университетах, в Швейцарии был отдельный кружок. Вокруг полухаризматических членов возникали новые круги и так далее. Не было строгой иерархии, было поклонение общим идеалам, и абсолютным идеалом была, конечно, поэзия. Но что поэзия — во всем, и что сама жизнь должна носить поэтическую печать, это тоже символистская идея. Естественно, университет ненавидел этот дух, недисциплинированный, нестрогий. Вместе с тем георгеане обнаружили реальные вещи, действительные и для сегодняшнего нашего прочтения Платона, которые университет должен был признать. Скажем, один из учеников Йегера, Юлиус Штенцель, прекрасный античник, выступает в университете по поводу своей только что вышедшей книги «Платон как воспитатель». К нему после доклада подходит один из членов круга и говорит: «Раз и Вы теперь говорите о роли воспитания у Платона, значит, мы победили». Тот начинает мямлить: «В принципе, да, но не совсем так». Потому что круг Георге первым с такой энергией провозгласил, что воспитание было главным мотивом платоновского учения и платоновской практики. Конечно, Штенцель сделал это грамотнее и доказательнее. Он написал книгу, абсолютно приемлемую для университета, которая и сейчас цитируется. И он признавал отчасти их правоту, но написать этого он не мог. Потому что в науках, особенно в гуманитарной науке, «как» гораздо важнее, чем «что». «Как» написать важнее, чем «что» написать.

Как образованная общественность, в том числе вне стен университета, реагировала на новую георгеанскую литературу? Имеется целый и немалый корпус рецензий, но рецензии нередко были заказные. Либо члены круга, либо близкие к ним. Поэтому часто они тенденциозны. Тогда как по письмам, дневникам мы можем судить, что некоторые и внутри круга осуждали, например, георгеанский стиль. Некоторые люди из круга были страшно ироничны по отношению, в частности, к трудам своих же платоников. «Напыщенный стиль вредит нашему делу». Но Георге прочитал за одну ночь и одобрил, например, книгу Фридемана, и заставлял всех читать эту книгу и прочитать быстро. Некоторые вообще не могли ее одолеть — неудобоваримый стиль, это то же, что читать быстро Андрея Белого (простите такую отдаленную аналогию).

Об отношении гуманитарного знания и искусства. Во Франции это отчасти произошло, и мысль, что художник открывает некоторые вещи раньше, чем ученый, стала общей и в университетах. Интересно, что эта мысль родилась и у своих (сюрреалисты), но и пришла из Германии. Хайдеггер писал, что язык живет поэзией, что мы от поэта узнаем истину. И так через Ницше и Хайдеггера эта идея вошла во французскую мысль. Но всё это позже. В начале же века немецкий университет считает себя бастионом и главным и единственным хранителем всего — и точка. В этом как бы вульгарно-социологическая подоплека этого конфликта. А то, что есть разные случаи, пограничные, это несомненно. Случай Йегера я уже упоминал. А был еще

такой персонаж, как Пауль Фридендер, который написал монументального и в высшей степени георгеанского Платона сначала в двух, потом в трех томах. Он стоял ровно посередине между университетом и кругом Георге. Он был античником, учеником и аспирантом Вилламовица и буквально подсел, как говорится, на Георге. В отличие от Йегера, он был не женат на еврейке, а сам был евреем, что ему стоило шести месяцев концлагеря (относительно мягкого, под Берлином). Потом друзья мобилизовали нужных людей и написали письма, куда следует. Но что решило дело? Он крест получил в Первую мировую войну, воевал, кровь проливал за Германию, — и этот аргумент сработал, ему дали спокойно выехать. Он своего Платона переделывал, но в принципе остался совершенно георгеанский такой Платон. Он издал его на английском языке (а это — ключ к счастью), и все (ну, кроме Тигерстедта) его весьма сочувственно цитируют. У него в кабинете в Америке висело два портрета — Вилламовиц и Георге. Если бы он был главным проповедником георгеанского Платона, то все бы знали о Георге в связи с Платоном. Но главным стал не он, а нацист Хильдебрандт, который после смерти Георге писал самые оголтелые брошюры, типа «Платон и раса», который рассуждал, нет у Сократа восточной, а значит еврейской крови и т. д. То есть Хильдебрандт собой поставил последний крест на возможности открытой рецепции Георге. Тут и закономерность, и случайность.

Вместе с тем отбросили не всю немецкую историю философии. Такие демонстративно аполитичные философы, как Гадамер, остались на борту. Кстати, Гадамер был близок к кругу, не входя в него в строгом смысле слова. Он вспоминал потом, что от круга исходила этакая католическая аура: нет спасения вне церкви. Это была настоящая церковь с кардиналами и еретиками... Там был целый кодекс. Если тебя изгнали из круга, то ты обязан сжечь все письма от Мастера. И у него всегда был самый любимый юноша, долгое время это был Фридрих Гундольф, такой известный историк литературы, и потом стал Макс Коммерель, германист, через которого Хайдеггер узнал о Георге, и сделал знаменитый разбор стихотворения «Слово». Когда Георге «отлучил» Коммереля, то тому пришлось столкнуться с необходимостью сжечь письма Георге, а он как германист понимал, что в его руках письма одного из величайших поэтов XX века. Он держал консилиум с другими друзьями, с которыми он не порвал (не было у них таких обязательств: если Георге порвал, то и все должны порвать, Георге так далеко не заходил). Что делать с этими письмами? Или некоторым запрещалось жениться, при том, что из его гомозротизма иногда делают вывод о его мизогинии. Это просто ложь, потому что полно женщин, которые были близки к кругу, хоть и не прямо в ядре. Например, жены Макса Вебера и Георга Зиммеля были близкими и постоянными соратницами круга. Но некоторым он запрещал жениться, потому что считал, что характер у них слабый и брак сильно их опустит. Он позволял себе ставить такие психологические диагнозы. На этой почве возникали самые разные конфликты. Это мы, напоминая, говорили о случайностях и закономерностях.